

Э. Г. БЕККЕР (Томск)

## О ПАДЕЖАХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

При детальном рассмотрении языковых материалов по всем диалектам селькупского языка обнаруживаются ранее не описанные явления, реализующие в определенных масштабах пространственно-временные отношения: одни отражают генетическую общность понятий пространства и времени, другие — былую морфологическую недифференцированность пространственных восприятий на вопросы «где?», «куда?», «откуда?».

Генетическая общность понятий пространства и времени находит свое выражение в ряде наречий и послелогов. И те и другие могут совмещать эти понятия в одной лексической единице, дифференциация регулируется глаголом или контекстом. Наречие *ukit* и его варианты *ukkon*, *ukot*, *ogon*, *ogot*, например, могут выступать в функции и обстоятельства места, и обстоятельства времени: Ласк. *ära ogot čaža* 'старик вперед идет'; *ugot čul matkät bargidit* 'прежде чумылькupy в землянках жили'. Аналогично употребляется наречие *nanne*, *ňanne*, *ňarne*, *ňenne*: Кел. *tebän ŋenne kiššotin* 'они вперед пошли'; Фарк. *tap čelnon ma nanne učiķolamnak* 'с сегодняшнего дня я снова работать начинаю'. В сфере послелогов определяющую роль при разграничении пространственных и временных функций играет семантика имени, в сочетании с которым выступает послелог: Ласк. *nagur battät šünžet ķiba mat amdj* 'посреди трех дорог маленький дом стоял'; Шир. *ķit šuň dēγät čēlät čumbiķ ēžešpa* 'посреди зимы день (букв.: день-его) длинный стал'; Ив. *wattj čonžout twesse pāran* 'с пути назад вернулся'; *tait čonžorjindo swires wargiķ* 'с середины лета дождело много'.

Данное явление наблюдается и в других уральских языках; оно прослеживается в языках иносистемного порядка (Баландина 1974 : 36; Гладкова 1967 : 174). Генетическая общность понятий пространства и времени обнаруживается при анализе структуры падежных форм в селькупском языке: все падежи пространственно-временной ориентации, независимо от того, выражают они пространственные или временные отношения, оформляются одними падежными показателями. Примеры: Зуб. *ter paktan nar metrandə* (дат.-напр. пад.) 'он прыгнул на три метра'; *tati meŋga onendə kanžol šitti ķeland* (дат.-напр. пад.) 'дай мне свою нарту на два дня'; УО *ňo iķiķuŋ matfoγən tū-pamboγən ķwepereγən pīkkozaŋgən* (местно-вр. пад.) 'заяц

живет в тайге, в гари, в березняке, в осиннике'; Марк. *βark mērgəkən* (местно-вр. пад.) *ḡottaj pi<sup>2</sup>лла лакḡелумбат* 'при большом ветре некоторые деревья сломались'. На аналогичное явление в эскимосском языке обратил внимание Г. А. Меновщиков (1950 : 15).

Исходя из селькупских данных, можно заключить, что пространственные восприятия на вопросы «где?», «куда?», «откуда?» морфологически также не были дифференцированы, т. е. разветвленная система значений, передаваемая на современном этапе функционирования языка серий падежей пространственно-временной ориентации (местно-временным, дательным-направительным, исходным), находила и сейчас еще находит во многих случаях свое выражение в одной грамматически оформленной единице. Об этом свидетельствует ряд наречных форм, послелогов, а также существительных, оформленных *-n/-t*.

Падежные показатели *-n/-t* классифицируются нами как форманты с локативно-лативно-аблативным значением. Локативное и лативное значения свойственны наречиям, послелогам и существительным на *-n/-t*; аблативное — наречным и послеложным формам. Функционально-дифференциальный признак словоформы на *-n/-t* регулируется семантикой глагола-сказуемого: глаголы состояния обеспечивают локальность действия, глаголы, выражающие действие как процесс — интра-локальность, с одной стороны, экстралокальность<sup>1</sup>, с другой. В тех случаях, когда семантика глагола в состоянии спровоцировать у словоформы и ту и иную пространственные характеристики, решающую роль играет речевая ситуация или контекст. В селькупском языке, например, наречие *ukit* (*ukkon, ukot, ogot, ogon*), в котором формант *-t* соотносится с *-n*, выражая пространственные отношения, выполняет локативную и лативную функции (Быковья 1978 : 24): Ласк. *āra ogot čača* 'старик впереди идет'; Ив. *tab kβedimba i ogot kβanba* 'он рассердился и вперед пошел'; УО *tan čāčan ukkon* 'я иду впереди'; СтС *čāžaliti ogon* 'идите [вы] вперед'. В основе разграничения функций наречия лежит контекст.

Аналогично положение в сфере послелогов. В предложении УО *ite řečon moḡḡon čaruḡ* 'Итя из-за печки вышел' послелог *moḡḡon*, оформленный показателем *-n*, приобретает аблативное значение, которое обеспечивается семантикой глагола-сказуемого, указывающего на исход действия. В предложении УО *ite řečan moḡḡon amda, müüptu* 'Итя за печкой сидит молча' послелог *moḡḡon*, оформленный тем же *-n*, выступает в локативной функции, которая обусловлена наличием статичного по характеру глагола-сказуемого.

Явление функциональной многоплановости словоформ на *-n/-t* в селькупском языке повторяет в своей основе прауральское и прафинно-угорское состояние языка, когда падежные форманты *\*-t, \*-n, \*-k* «еще не вполне специализировались для выражения какого-либо конкретного пространственного значения (локативного, лативного или аблативного), а в зависимости от управляющего глагола или контекста выражали разные направления» (Основы 1974 : 247).

Расширенными вариантами показателей *-n/-t* являются *-ḡin/-ḡit; -min/-mit*. Форманты *-ḡin/-ḡit* и их фонетические варианты классифицируются в селькупском языке как показатели местно-временного падежа. В основном они выражают локативное действие на вопрос «где?».

<sup>1</sup> Термины «интра-локальность» и «экстралокальность» заимствованы у Н. М. Терещенко (1979 : 82).

Форманты *-m̄in/-m̄it* и их фонетические варианты — показатели продольного падежа, они специализируются на выражении пролативного значения. Данный процесс распространяется на все селькупские диалекты, где он достиг своей завершенности.

Тем не менее анализ материалов по селькупскому языку позволяет заключить, что на начальном этапе функционирования падежные форманты *-k̄in/-k̄it*; *-m̄in/-m̄it* во многих случаях повторяли все функции, свойственные неосложненным показателям *-n/-t* — локативную, лативную и аблативную. Полифункциональность данных падежных формантов в плане выражения пространственных отношений прослеживается на целом ряде примеров наречных, послеложных, именных форм с исходом на вышеназванные показатели.

Примеры на *-k̄in/-k̄it*: СтС *man addoka-γət eppa* 'в моем обласке лежит'; *man tan addoka-γət medan* 'к твоему обласку подошел я'; УО *ézi eβezeḱi ložem jama-k̄in sarañati* 'отец и мать [двое] черта из ямы вытащили'; Тюхт. *mat laγalzak battə čonžó-γot χβiralza* '(когда) я доехал до середины дороги, пошел дождь'; Кан. *ḱajil mesta-γit ḱojēzant* 'в какое место [ты] ездил?'; (С) *man-nembar ār (a) k čuečó-gat nāgur mādur tōmba* 'я смотрю вокруг себя: из другого места шли три героя'; *ku ačó-gat kainé čanguan* 'в городе не было ни одного героя'; Ласк. *mat əlle-qet pōt kōqot niḱgak* 'я внизу у дерева стою'; Нап. *tābə alčemba kət par-γat* 'он упал с горы'.

На явление былой морфологической недифференцированности пространственных характеристик указывает также ряд показателей лично-притяжательного склонения: Пар. *astalnoi nat nilžik šiyballādə aš tū pežəmləmbella olo-γən-dət* 'остальные эти (змеи) так зашипели, что огонь засверкал из голов их' (*olə* 'голова', *-γən* — показатель местно-временного падежа, *-dət* — лично-притяжательный суффикс 3 л. мн. ч.); НС *šun̄ke-γən-t kaḱ də jewan* 'во внутренности его что-то есть' (в *šun̄ke-γən-t*, *-t* — лично-притяжательный суффикс 3 л. ед. ч.); Пар. *okər žēl tēntra nēla-γən-də* 'однажды он говорит своим дочерям' (*nēla* 'дочери', *-γən-* — показатель местно-временного падежа, *-də* — лично-притяжательный суффикс 3 л. ед. ч.); Ив. *tab onž tēmnä-gón-d əžalgβa* 'он своему брату сказал'.

Примеры на *-m̄in/-m̄it*: Нап. (LS) *qart kelča iwaañuška ji qonžernyjđ: ostolt paaro-ut epā faa čey naj* 'утром Иванушка проснулся и увидел: на столе была красивая (букв. хорошая) белая булка хлеба'; Пар. *mat tōnžó-ut ele ḱonnak* 'я по пояс (букв. вдоль половины) провалился'; Тюхт. *kanát mūdālādət tab man-m̄it ā čanža* 'собаки залаяли, он не вышел из дома'; Ласк. *ənne-ut kət parla-ut mārgi* 'сверху с гор ветер'.

В диалекте чумылькупов (Обь, Тым) показатели *-m̄in/-m̄it* и их варианты доминируют при выражении исхода действия с, от, из предмета. Зафиксированы они в форме *-un* с аналогичным значением у имен в говоре пос. Старосондрово на Оби.

Локативно-аблативный суффикс *-nan* передает действие на вопросы «у кого?», «у чего?».

Остаточные явления морфологической нерасчлененности различных пространственных характеристик в селькупском языке говорят об опре-

деленной логике мышления селькупа в прошлом, сводившейся к месту («где?»), с которым ассоциировалось движение в пространстве в направлениях «куда?», «откуда?». Уместно напомнить слова Д. В. Бубриха о том, что во многих языках между «где?» и «куда?» не проводится различия или оно проводится неполно, а потому образования на вопросы «куда?» и «где?» часто происходят из одних источников (Бубрих 1953 : 56). Применительно к селькупскому языку высказывание Д. В. Бубриха можно несколько расширить: образования на вопросы «куда?», «откуда?» часто рождаются из тех же источников, что образования на вопрос «где?». Имеется упоминание А. Кюннапа о том, что в качестве селькупского падежного показателя латива, локатива, аблатива часто выступает одинаковый суффикс (Künnap 1971 : 100).

Дальнейший процесс становления падежной системы селькупского языка являет собой факт морфологического отмежевания латива и аблатива от локативно-лативно-аблативной формы с местным значением. В результате в рамках местоимений и наречий обнаруживаются формы исходного падежа на *-ndi*, *-nenə*, *-knon*, *-gondi* и т. п.: Нап. *to-n-di tūšpa* 'оттуда пришел' (Лос. *toin* 'там'); УО *in-ne-nə* 'сверху' (Лос. *inne*, *enne* 'верх; наверху'); Кел. *ḡundo-k-non* 'издалека' (*ḡundak* 'далеко' на вопросы «куда?», «где?»); *kute-n-də* 'откуда?' (*kuten* 'где?').

У существительных есть исходный падеж на *-nando* (НС *kūdla-n-nan-do* 'от лошадей'), *-nandakto* (Мум. *aβen-nan-dək-to* 'от сестры'), *-kəndo* (Ив. *tele-gon-di* 'от солнца'), *-ḡannə* (УО *ādelā-ḡan-nə* 'от оленей'), *-mənto* (Нап. *karé-mən-to üdimiṭ čenne tep kweliṅṅin* 'с утра до вечера он рыбу ловил'); в основе падежных показателей лежат соответственно форманты *-ḡin*, *-nan* местно-временного и местно-личного падежей и *-mən* продольного падежа. Замыкают сложные ряды показателей исходного падежа *-to*, *-nə* — собственно показатели исходного падежа. В чистом виде они встречаются чрезвычайно редко в сфере имен, наречий и местоимений: Нап. *to mat-to kwīnna* 'туда из дома пошел [он]'; Фарк. *tī-ni ṅukoṭ aš at* 'отсюда ничего не видно'.

Под тем же углом следует рассматривать возникновение словоформ дательно-направительного падежа типа *ḡatto-ḡon nind*, *ḡatto-ḡon niṅ* (Марк. *man ḡatto-ḡon-nind ṅärnen as niṅčän man ḡatto-ḡon-niṅ ik čekalžukuk* 'я на твой путь впредь не встану, на мой путь не вступай!'), в основе падежных формантов которых лежит фонетический вариант показателя местно-временного падежа *-ḡon-*, его замыкают собственно показатели дательно-направительного падежа безличного и лично-притяжательного склонения *-niṅ*, *-nind*.

Для падежей пространственно-временной ориентации селькупского языка вообще характерна сочетаемость падежных формантов с пространственным значением (Беккер 1978 : 15). Широкое распространение это явление получило в сфере наречий, оно свойственно и послелогам, местоимениям и существительным. Для наречий места и восходящих к ним послелогов обычны сочетания древних формантов с показателями более позднего образования.

Наречия: Пар. *sundi-n*, Ив. *sundi-n-ne* 'внутри', Ив. *sundi-n-ne-t* 'внутри', УО *šunda-n-ne-n-ni*, Ив. *šundi-ne-gon-do* 'изнутри', *el-le* 'вниз', *el-lē-t*, *el-lé-gon* 'внизу', *el-lé-gon-di* 'снизу'.

Послелог: Ласк. *koldən ə-n* 'над Обью', УО *tittan ?i-n-n-e-βiṅ* 'над облаками', Фарк. *koldiṭ ṅe-n-nä-ḡət* 'вверх по Енисею (жила)', Ив. *agarot mogo-ne-t* 'за огородом', Кел. *te moḡi-nä-tət* 'за вами следом'.

Для существительных же характерны сочетания показателей: локатив + латив, локатив + аблатив, пролатив + аблатив и т. п.

Сочетаемость формантов древних пространственных падежей при образовании вторичных сложных суффиксов имеет место и в финно-угорских языках. В мордовских, например, суффиксы местного падежа *-sa*, *-so*, *-se* возникли из *-sna*, *-sno*, *-sne* и состоят из двух суффиксов — лативного *-s* и вариантов суффикса локатива *-na*, *-no*, *-ne* (Серебренников 1967 : 20, 21; Лаанест 1975 : 56; Ермушкин 1978 : 172). Аналогично суффиксам местного падежа в мордовских языках возникли суффиксы инессива *-ssa*, *-ssä* (исторически из *-sna -snä*) в финском языке (Серебренников 1967 : 20, 21; Лаанест 1975 : 56).

Из двух падежных суффиксов — латива *-s* и аблатива *-ta*, *-tä* — составлен суффикс *-sta*, *-sto*, *-ste* в мордовских языках. Так же образован элатив в прибалтийско-финских языках (Серебренников 1967 : 22; Цыганкин 1977 : 74) и т. д.

Сочетаемость древних формантов пространственных падежей при образовании вторичных сложных суффиксов наблюдается и в марийском языке (Коведяева 1978 : 122) и в ряде других.

#### Сокращения

**Зуб.** — пос. Зубреково на Кети (Томская область); **Ив.** — пос. Иванкино на Оби (Томская область); **Кан.** — пос. Кананак на Тыме (Томская область); **Кел.** — пос. Келлог на Елогуе (Красноярский край); **Ласк.** — пос. Ласкино на Оби (Томская область); **Марк.** — пос. Марково на Кети (Красноярский край); **Мум.** — пос. Мумышево на Оби (Томская область); **Нап.** — пос. Напас на Тыме (Томская область); **НС** — пос. Новосондрово на Оби (Томская область); **Пар.** — пос. Парабель на Парабели (Томская область); **СтС** — пос. Старосондрово на Оби (Томская область); **Сунг.** — пос. Сунгурово на Оби (Томская область); **Тюхт.** — пос. Тюхтерево на Оби (Томская область); **УО** — пос. Усть-Озерное на Кети (Томская область); **Фарк.** — пос. Фарково (Красноярский край); **Шир.** — пос. Широково на Кети (Томская область).

**С** — *Samojedische Volksdichtung, gesammelt von M. A. Castrén, herausgegeben von T. Lehtisalo, Helsinki 1940*; **LS** — *Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary by László Szabó, Bloomington 1967*.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Баландина М. П. 1974, Выражение значения времени и места в языках угорской группы. — Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание (Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию Академии наук СССР), Петрозаводск, 36—38.
- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Быконя В. В. 1978, Функциональная направленность послеложных наречий в селькупском языке. — Языки и топонимия VI, Томск, 22—34.
- Гладкова Н. И. 1967, Выражение пространства и времени в наречиях эвенкийского языка. — XX Герценовские чтения (межвузовская конференция). Филологические науки. Программа и краткое содержание докладов. 13 апреля — 27 мая, Ленинград, 174—176.
- Ермушкин Г. И. 1978, Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 155—265.
- Коведяева Е. И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 49—154.
- Лаанест А. 1975, Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки, Москва, 5—122.
- Меновщиков Г. А. 1950, Склонение в эскимосском языке, Ленинград (автореф. канд. дисс.).

- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Серебренников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Терещенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Цыганкин Д. В. 1977, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка, Саранск.
- Künpär, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I, Helsinki (MSFOu 147).

E. G. BECKER (Tomsk)

### EXKURS IN DIE GESCHICHTE DER SELKUPISCHEN LOKALKASUS

Bei detaillierter Betrachtung der Sprachmaterialien aller selkupischen Mundarten treten im Rahmen der Lokalkasus sprachliche Erscheinungen zutage, die in gewissem Maße zur Wiedergabe der räumlichen und zeitlichen Beziehungen dienen. Die einen zeugen von genetischer Gemeinsamkeit der räumlichen und zeitlichen Vorstellungen. Die anderen sprechen davon, daß die räumlichen Vorstellungen auf die Fragen «wo?», «wohin?», «woher?» im Selkupischen auf bestimmter Stufe der Sprachentwicklung morphologisch nicht differenziert waren: sie wurden durch das gleiche Kasussuffix wiedergegeben.